Г. Прозрителевъ.

Изъ прошлаго ✦ ✦ ✦ ✦ Сѣвернаго Кавказа.

Воспоминанія стараго кавказца отставного вахтера Мефодія Степановича Солодуна.

СТАВРОПОЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1914.

Приводимыя воспоминанія представляютъ интересъ, какъ свидѣтельство очевидца о всѣхъ событіяхъ нашего края за цѣлое полстолѣтіе. Къ сожалѣнію, этого рода матер., дающій очень цѣнныя данныя для историка и служащій лучшей характеристикой извѣстной эпохи, погибаетъ безслѣдно, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ современники даютъ себѣ трудъ записать все видѣнное и слышанное ими въ теченіи ихъ долгой жизни. Особенно мало такихъ воспоминаній осталось отъ нашихъ кавказскихъ героевъ. А между тѣмъ старыхъ кавказцевъ остается въ живыхъ уже очень мало.

Помѣщая воспоминанія Солодуна, мы тѣмъ самымъ надѣемся побудить и другихъ старожиловъ порыться въ своей памяти и записать по возможности точно все, чему они были свидѣтелями.

Воспоминанія Солодуна обращаютъ на себя вниманіе еще и по самой личности автора. Это былъ человѣкъ совершенно неграмотный, но имѣлъ колоссальную память, которую онъ сохранилъ до самой смерти. Не получивъ никакого образованія, Солодунъ обладалъ выдающимся умомъ и поражалъ своими знаніями, почерпнутыми, конечно, единственно доступнымъ для него путемъ-слушаніемъ читаемыхъ книжекъ. Проживалъ С. въ своемъ селѣ Жуковкѣ, жизнію обыкновеннаго крестьянина, былъ избираемымъ обществомъ старшиной и всѣ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни велъ борьбу изъ за земли, по его убѣжденію, неправильно отрѣзанной изъ надѣла Жуковскаго общества сначала для ремонтнаго депо, а потомъ отошедшей Найону Гахаеву. Это, кстати сказать, были два непримиримыхъ противника: первый стоялъ за свое общество, а второй за интересы калмыковъ, и послѣдній одержалъ верхъ. Солодунъ умеръ въ 1907 году.

Воспоминанія эти записаны почти слово въ слово, какъ говорилъ авторъ, съ сохраненіемъ порядка ихъ расположенія и самыхъ оборотовъ.

Родился я въ Полтавской губерніи въ 1829 году; а въ 1844 году я вмѣстѣ съ семьею своею перешелъ на жительство въ Черкасскую, нынѣ Ставропольскую губ. въ сел. Жуково Песчанокопской волости, Ставропольскаго уѣзда. 22 іюня 1854 года я 15 лѣтъ пошелъ охотникомъ за своего брата на военную службу. Въ сентябрѣ того же года я былъ назначенъ въ Киндинскій пѣхотный полкъ въ 6 резервный баталіонъ, а изъ послѣдняго меня перевели въ тотъ же полкъ въ 3 баталіонъ 7 роту и вскорости послѣ новаго года, 25 января 1855 года мы вступили въ Гурійскій отрядъ и подступили подъ Карсъ подъ командой генералъ-майора Бакланова; 18 мая того же года на рѣчкѣ Арпачай произошло страшное сраженіе съ непріятелемъ, въ которомъ нашихъ было убито 6 тысячъ человѣкъ и до 2300 раненыхъ, со стороны же непріятеля, какъ потомъ оказалось, на полѣ сраженія обнаружено было убитыми болѣе 60 тысячъ человѣкъ и до 11000 раненныхъ и кромѣ того нами было взято въ плѣнъ до 60 тысячъ человѣкъ, 47 орудій со всѣми съѣстными припасами, денежный ящикъ и 4 знамя.

На счетъ самаго боя могу сказать, что, по моему мнѣнію, непріятелю показалось малое количество нашихъ войскъ (У насъ было 89 тысячъ) и поэтому непріятель развернулъ фронтъ и сталъ дѣлать оттаку съ двухъ лѣвой и правой сторонъ и намъ остался выходъ только на сѣверъ, но, и тамъ оказалось, были уже подготовлены 12 баталіоновъ съ 12 оруд. И не успѣли мы отслужить молебенъ, какъ онъ открылъ огонь по насъ, и перекрестнымъ огнемъ сталъ насъ бить, двигаясь на насъ съ главными колонами въ рукопашный бой. Но благодаря Бога и командира нашего генерала Бакланова, который выдвинулъ противъ непріятеля линейныхъ артиллерійскихъ казаковъ съ 12 оруд. и подпустивъ ихъ на малую дистанцію, открылъ огонь и такимъ образомъ, положилъ непріятеля на мѣстѣ до 60000 человѣкъ. Непріятель въ свою очередь выдвинулъ свою артиллерію съ 20 орудіями, но наша пѣхота не давала эти орудія скинуть съ передковъ, въ виду чего непріятелю пришлось загородить свою артиллерію пѣхотой, но наша артиллерія, по распоряженію г. Бакланова, двинулась вторично къ наступленію и непріятель

понесъ страшный уронъ и сдѣлалъ отступленіе, чѣмъ воспользовалась наша конница и стала преслѣдовать непріятеля, гоня его въ тылъ, причемъ въ правую и лѣвую аттаку нами взято въ плѣнъ 12 баталіоновъ и 10 орудій, которые были высланы непріятелемъ для задержанія нашихъ войскъ. Непріятель отъ уборки убитыхъ и раненныхъ отказался, такъ что пришлось намъ это сдѣлать. Черезъ мѣсяцъ по уборкѣ раненныхъ и убитыхъ и по приходѣ подкрѣпленій мы выступили въ Карсъ, который мы не бомбордировали, отрѣзавъ всѣ пути къ нему, провіанты, препровождаемые колонами, мы забирали въ плѣнъ. Продержали его въ такомъ положеніи болѣе двухъ мѣсяцевъ; когда почуствовался недостатокъ въ пищѣ и тамъ стали умирать голодной смертью, то въ августѣ мѣсяцѣ къ намъ прибылъ посолъ отъ непріятеля и объявилъ, что Карсъ сдается безъ боя. Послѣ того мы вошли въ Карсъ, гдѣ смѣнили часовыхъ и видя непріятеля въ положеніи голоднаго человѣка, приготовили для нихъ хорошій обѣдъ и накормили ихъ. Нашимъ глазамъ представилась страшная картина умершихъ турокъ послѣ принятія пищи, а также нѣсколько тысячъ человѣкъ лежало мертвыхъ въ разныхъ мѣстахъ крѣпости, очевидно умершихъ голодной смертью. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года было приказано плѣнныхъ всѣхъ препроводить въ городъ Тифлисъ, что и было сдѣлано.

Въ 1855 году былъ звключенъ миръ, въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ я возвратился въ свой штабъ въ городъ Владикавказъ, гдѣ постоялъ до сентября мѣсяца. Въ этомъ же мѣсяцѣ поступилъ въ отрядъ генерала Раевскаго, съ которымъ и пошли на Карганъ-Гора гдѣ стояла крѣпость Бахмутъ за Сунжей и рѣчкой Осой, за Владикавказомъ, противъ большой чечни и ингушей. Пробывъ три мѣсяца отступилъ во Владикавказъ.

Въ 1856 году мы пошли съ генераломъ Конферъ и Бажановымъ въ Большую Чечню и подошли къ аулу Салжамъ, гдѣ раньше былъ убитъ генералъ Слѣпцовъ, взяли его и пошли дальше по рѣчкѣ Фортанкѣ къ Дубо-аулъ, гдѣ произошелъ бой, который продолжался съ 10 часовъ вечера и до 10 часовъ другого дня, въ которомъ нашихъ было убито до 2000 человѣкъ, но несмотря на эти потери, аулы всетаки были забраны въ

1857 году. Потери наши произошли отъ того, что за 4 версты до непріятеля пошли на приступъ его. По замиренію этихъ ауловъ, мы отступили на отдыхъ къ крѣпости Преображенской, гдѣ и пробыли 2½ мѣсяца и по истеченія этого времени мы двинулись противъ теченіи рѣчки Аргунъ и Шаръ-Аргунъ, причемъ при наступленіяхъ намъ приходилось сталкиваться съ непріятелемъ не безъ большого урона съ нашей стороны. По взятію этой мѣстности мы возвели крѣпость между сказанныхъ рѣчекъ и назвали таковую „Барзы". По окончанію крѣпости, мы, оставивъ часть войскъ въ крѣпости, двинулись вверхъ по рѣчкѣ Аргунъ, гдѣ также происходили большіе стычки съ большими уронами и, взявъ Шатоевъ аулъ, возвели большое укрѣпленіе, назвавъ его Шатаевской, и, оставивъ до 4 тысячъ человѣкъ, двинулись дальше по рѣчкѣ Аргунъ; по дорогѣ ежечасно намъ приходилось имѣть стычки. Пройдя уже верстъ 30 горы, взяли три аула, названія коихъ забылъ, и по взятію этихъ ауловъ возвели укрѣпленія, наименовавъ таковое именемъ графа Евдокимова, и оставивъ въ этомъ укрѣпленіи до 3000 человѣкъ отступили назадъ и пошли вверхъ по рѣкѣ Шаръ-Аргуну, не безъ ежедневныхъ перестрѣлокъ. При этомъ взяли три аула разорили изъ до основанія и отступили на рѣчку Фортанку, гдѣ и основали крѣпость подъ названіемъ Шали. Оставивъ въ ней до 3000 человѣкъ, пошли вверхъ по рѣчкѣ Фортанкѣ въ горы по направленію на аулъ Таузи (походъ нашъ былъ передъ новымъ годомъ 1858 г.) и по распоряженію графа Евдокимова было поручено генералу Бажанову и Кайнферъ сдѣлать набѣгъ на непріятеля, что мы и сдѣлали, наскочивъ на два большихъ аула Кашинъ и Атхой, которые и уничтожили несмотря на отчаянное сопротивленіе горцевъ. Въ этомъ дѣлѣ у насъ было убитыми 47 человѣкъ и раненными 140 человѣкъ. Послѣ боя намъ попался въ плѣнъ бѣжавшій дезиртиръ 10 линейнаго баталіона Степанъ Зимченко, уроженецъ Каменецъ-Подольской губерніи, вмѣстѣ съ женой чеченкой и двумя мальчиками тоже чеченцами. По возвращенію изъ набѣга, мы доставили плѣннаго солдата въ отрядъ главнаго штаба. Онъ сталъ проситься препроводить его къ генералу Бажанову и когда его представили къ генералу

Бажанову, то онъ сталъ просить генерала простить ему его измѣну отечеству и сталъ увѣрять генерала, что проводники ведутъ насъ туда, откуда и одинъ изъ десяти не возвратится и что если онъ окажется неправымъ, то онъ готовъ отвѣчать своей головой, при чемъ Зимчинко добавилъ, что онъ можетъ привести всѣ войска безъ однаго выстрѣла до непріятельскаго укрѣпленія Ведено, гдѣ и находится Шамиль.

Генералъ Баклановъ выслушавъ объясненія Зимченки, доложилъ объ этомъ графу Евдокимову, бывшему въ это время въ отрядѣ. Евдокимовъ также выслушавъ Зимченко, сказалъ ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то онъ, Евдокимовъ, мало того, что проститъ его да еще и вознаградитъ.

Послѣ этого разговора Зимченко сталъ увѣрять Евдокимова, что онъ можетъ увѣриться въ измѣнѣ проводниковъ, такъ какъ стоитъ пройти верстъ 7, какъ можетъ обнаружить непріятельскіе засады. Графъ Евдокимовъ, выслушавъ Зимченко, сдѣлалъ распоряженіе генералу Бажанову и Канферу двинуться съ 14 баталіонами на непріятеля по указанію Зимченко.

И вотъ Зимченко подъ карауломъ повелъ насъ въ обходъ по непроходимымъ лѣсамъ и тропинкамъ.

Дорога, по которой насъ велъ Зимчинко, шла въ обходъ аула Таузи и проходила по узкимъ густымъ тропинкамъ и неприступнымъ скаламъ, проходы были завалены снѣгами, при чемъ приходилось подыматься все вверхъ на большую высоту. Съ нами было 6 большихъ горныхъ орудій на верховыхъ лошадяхъ, 2 лошади съ ящиками орудійными сорвались въ пропасть и погибли.

Шли мы въ 2 человѣка и въ одинъ, никто не свалился. На встрѣчу намъ попались 4 чеченца, взяли ихъ въ плѣнъ, и шли безъ выстрѣловъ, безъ остановки, довольствовались одними сухарями и по 2 крышки спирту; отдыхъ былъ ночью на одинъ часъ, и шли такъ четверо сутокъ. Такъ мы подошли къ вершинѣ горы на разстояніи 200 саж. къ одной батареѣ непріятеля, находившейся на лѣвой сторонѣ р. Форганки. Съ батареи были сдѣланы выстрѣлы, и убиты у насъ лошадь и два человѣка, но такъ какъ путь нашъ шелъ внизъ по балкѣ, то батарея намъ

не вредила и мы успѣли пройти внизъ сзади заваловъ непріятеля, который сталъ отступать къ аулу.

Около аула была большая площадь и вся была занята непріятелемъ. Мы стояли вверху, а непріятель внизу въ пѣшемъ строю, часть его бросилась къ намъ, но послѣ пяти залповъ изъ 5 тысячъ ружей нашихъ непріятель смѣшался и бросился по дорогѣ на Ведено, совершенно оставивъ аулъ.

Согласно приказанію Евдокимова, мы должны были до вступленія въ аулъ дать залпъ изъ орудій, послѣ котораго Евдокимовъ долженъ былъ приступить къ взятію заваловъ съ той стороны, гдѣ мы его оставили, т. е. идти вверхъ по рѣкѣ Фортанки; у него было 50 тысячъ нашихъ войскъ.

Обѣщанія Зимченко оправдались. А между тѣмъ если бы мы шли по дорогѣ, указанной проводниками, то насъ ожидала вѣрная погибель, такъ какъ мы должны были идти по рѣчкѣ Фортанкѣ (другой дороги не было), а по надъ ней были устроены завалы, загражденные изъ громадныхъ бревенъ въ 3—4 обхвата въ каждомъ (7 человѣкъ рубили одно дерево два дня); завалы лежали въ 6 рядовъ по горамъ съ обѣихъ сторонъ рѣки на 7 верстъ вглубь ущелья; кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ рѣчку устроены были временныя плотины изъ каменнаго щебня и туровъ, плетенныхъ изъ хвороста засыпанныхъ землею. Надъ этими плотинами были поставлены батареи по 4 орудія въ каждой въ двухъ мѣстахъ. Орудія эти впослѣдствіи оказались русскими, сдѣланными въ Кіевѣ, вѣроятно были отбиты у насъ раньше.

Боковыя загражденія были присыпаны землею. И вотъ всѣ эти завалы были заняты большимъ количествомъ непріятеля лѣваго фланга. Если бы мы пошли по этой дорогѣ, то конечно не вышли бы оттуда, тѣмъ болѣе, что ширина рѣчки была 50 саж. и меньше. Когда графъ Евдокимовъ услышалъ нашъ залпъ, то кинулся съ своимъ отрядомъ на приступъ заваловъ, который уже былъ освобожденъ непріятелемъ съ оставленіемъ на батареѣ 4 орудій. Послѣ отступленія непріятеля къ аулу Таузи мы сдѣлали наступленіе и непріятель отдалъ этотъ аулъ безъ боя.

Евдокимовъ, услышавъ залпъ, раскидалъ поперечные завалы

и пока онъ пришелъ мы уже заняли аулъ Таузи, гдѣ нашли 4 орудія, чуреки, лопаты, много палокъ, которыми наказывалъ Шамиль, но оружія не было оставлено.

По приходѣ Евдокимовъ наградилъ Зимченко Георгіевскимъ крестомъ, жену и дѣтей выкрестили и отправили въ Грозный. Выше Таизи въ 15 верстахъ былъ устроенъ завалъ и 4 батареи. На другой день Зимченко ушелъ и три недѣли не было его, полагали, что онъ скрылся. А онъ входилъ въ сношеніе съ непріятелемъ, который не зналъ объ его измѣнѣ. Возвратившись, онъ сообщилъ, что можно взять эти батареи и что Шамиль отступилъ еще дальше на 20 верстъ и устраиваетъ завалы. Повелъ онъ генерала Бажанова и Конфертъ и завалъ былъ взятъ почти безъ выстрѣла; защитники его перебиты штыками и взято было три орудія. Отрядъ передвинулся сюда и затѣмъ 14 баталіоновъ и 2 сотни казаковъ пошли въ горы, въ обходъ Виденей до 30 верстъ. Степанъ шелъ впереди.

Зимченко былъ большого роста, человѣкъ съ большой рыжей бородой, хохолъ Каменецъ—Подольской губ. Весь отрядъ кажется 56 тысячъ оставался у завала и мы благополучно прошли лѣсныя горы и поднялись на травяныя горы. Это было послѣ Рождества 1859 года. Вышли на Виденскую гору, съ которой было видно аулъ Видени, расположенный подъ горой между двумя рѣками. Съ горы намъ все видно было, люди внизу на снѣгу казались величиною въ гуся. Сверху наши заряды не долетали и разрывались на пути, такъ было далеко; съ нами были только горныя орудія. Здѣсь мы простояли цѣлый день, хотя могли спуститься въ Видени, гдѣ никого не было видно. Часа въ 2 дня стало замѣтно, что идутъ войска Шамиля въ Видени, и какъ прискакала конница, то стали обозы выѣзжать изъ Виденей по дорогѣ къ Доргамъ. Къ вечеру стало видно, что на площади предъ Виденями показались наши палатки, это двигался съ отрядомъ Евдокимовъ.

Шамиль долженъ былъ отступить отъ второго завала, такъ какъ онъ узналъ о нашемъ обходѣ. Не знаю почему мы тутъ же не взяли Виденей и къ вечеру было приказано отступить по тому же пути, какъ мы пришли.

Степанъ Зимченко сказалъ генералу Бажанову, что если непріятель занялъ балку, которую мы прошли версты 4 ширины, то намъ придется плохо и самъ отправился на развѣдки. Черезъ нѣсколько часовъ возвратился и сообщилъ, что балка свободна и мы пошли тѣмъ же путемъ къ 1-му завалу. На половинѣ пути насъ догнали человѣкъ 400 чеченцевъ при чемъ у насъ убитыхъ и раненныхъ было до 300 человѣкъ при этой схваткѣ, напавшіе насъ провожали верстъ 12, прикрываясь балками и лѣсами. Мы пришли къ 1-му завалу и подвинулись впередъ на 15 верстъ къ Виденямъ для прикрытія дороги, по которой прошелъ уже Евдокимовъ.

Въ это время Евдокимовъ уже расположился лагеремъ на большой площади передъ Виденями. А тѣмъ временемъ Шамиль засѣлъ въ Виденяхъ, началъ укрѣпляться, подѣлалъ ложементы по 3 ряда вокругъ батарей, устроены были шанцы по надъ стѣнами изнутри крѣпости, заготовлены были смоляные тычки— длинныя палки для рукопашной схватки, голышовые камни въ пудъ и больше вѣсомъ, на стѣнахъ крѣпости стояли на станкахъ крѣпостные ружья, которые заряжались крупной кортечью по одной штукѣ. Этихъ ружей у русскихъ уже не было; длинной они были около 3 аршинъ съ ложей. Всѣхъ пушекъ въ батареи было 48. онѣ расположены были выше крѣпости по узкому хребту, съ котораго можно было бы обстрѣливать и Виденскую площадь и дорогу къ Доргамъ. Стрѣлялъ онъ черезъ Видени при обстрѣливаніи площади. На другой же день Шамиль началъ обстрѣливать лагерь Евдокимова и ежедневно выбивалъ 200—300 человѣкъ, такъ какъ надо было брать выставляемыя Шамилемъ батареи. Евдокимовъ принужденъ былъ построить 18 батарей, пока наконецъ вынудили его запереться въ пространствѣ, охваченномъ его батареями, т. е. рѣка и балка, отдѣляющая хребетъ отъ Виденей.

На мѣстѣ лагеря въ концѣ площади Евдокимовъ построилъ крѣпость, назвалъ ее Видени.

Мы въ это время раздѣлывали дороги, поставили редуты въ опасныхъ мѣстахъ, оставивъ по 2—3 роты для охраненія ко-

лонъ, доставляющихъ провіантъ и боевые припасы. Все это продолжалось до Вербной недѣли.

Тутъ приказано намъ дѣлать ложементы около крѣпости непріятеля, съ правой стороны, если стоять передъ воротами.

Вся работа производилась ночью и въ первую ночь провели на три версты, вышиною въ три аршина и шириною въ 1½ аршина, а передъ нами канава. А на другую ночь прошли мимо воротъ крѣпости и такимъ образомъ перегородили все пространство между рѣчками, у которыхъ было поставлено нами по батареѣ. Въ ложементахъ и батареяхъ стояли мортиры (5 пуд. бомба). Лагерь нашъ отъ этого мѣста былъ версты на три, такъ же и укрѣпленіе. Въ понедѣльникъ Страстной недѣли послѣ молебна начали бомбардировать. Вечеромъ послѣ зари объявленъ былъ штурмъ непріятельской батареи. Послѣ зари пустили ракеты. Мы въ ложементахъ стали кричать ура. Стало темно. Стрѣлки изъ ложементовъ пошли на штурмъ батареи съ Бажановымъ и Конфертъ, а оставшіеся въ ложементахъ кричали ура безъ перерыва. Всѣ орудія непріятеля были направлены на ложементы, а вдоль хребта, гдѣ стояли его орудія, батареи не стрѣляли и мы пробѣжали вдоль по рѣчкѣ сажень 200. поднялись подъ Шаханъ и зашли въ тылъ батареи. Насъ пошло 6 баталіоновъ. Безъ выстрѣла совершенно тихо подбѣжали къ воротамъ и бросились въ штыки. Всѣ батареи были взяты.

Тутъ оказались артиллеристы русскіе солдаты бѣжавшіе ранѣе.

Русскимъ взятымъ въ плѣнъ, не довѣрялъ Шамиль, и ихъ или продавали въ робство, или они работали какъ ишаки, а въ случаѣ заболѣетъ, то татарчата убивали каменьями.

Мы пустили ракету и въ лагерѣ началось молебствіе. Затѣмъ намъ приказали взять самую крѣпость. На смѣну намъ вступили 4 баталіона, а мы спустились въ балку и черезъ рѣчку въ крѣпость. Тутъ оказалась цѣлая масса труповъ. которые выкидывали изъ крѣпости и мы сдѣлали изъ труповъ 5 ходовъ, полѣзли на стѣны.

Въ крѣпости не оказалось никого, всѣ ушли той тропой,

по которой насъ проводилъ Степанъ къ крѣпости. Зажгли мы факелы и отворили ворота.

Весь дворъ крѣпости былъ изрытъ ямами отъ бомбъ и засыпанъ черепками отъ нихъ. Въ одной саклѣ я видѣлъ какъ отъ разорванной бомбы нога рука и всѣ внутренности прилипли къ стѣнамъ.

Дворъ Шамиля былъ огороженъ частоколомъ до 5 аршинъ вышины, у воротъ стояла будка часовыхъ, а противъ воротъ двухъэтажная сакля урядника Алпатова и вырѣзаны на стѣнѣ сакли имя и фамилія его. Онъ казакъ Гребенскаго полка Червленской станицы бѣжавшій въ горы.

Во время осады крѣпости Видено трудная была доставка осадныхъ орудій въ виду того, что прежде, чѣмъ ихъ приходилось переправить, нужно было выстилать дорогу плостинникомъ (деревянными брусьями). Эти орудія доставлялъ подрядчикъ Лебедевъ на буйволахъ; провіантъ мы носили на себѣ и ходили за нимъ въ числѣ 10—12 баталіоновъ въ аулъ Шали, находившійся въ 80 верстахъ отъ Виденей. Ходили мы пѣшкомъ за провіантомъ, въ виду того что лошади всѣ погибли отъ голода, трупы ихъ лежали отъ Таузи до Шалей, какъ мостъ. Солдаты говорили: „отъ Виденей до Шалей лежалъ мостъ лошадей“.

Кромѣ пѣхоты каваллеріи не было. Полевыя орудія намъ приходилось втаскивать на горы на себѣ, такъ какъ лошади не были въ состояніи вести ихъ. Когда мы взяли Видено, то запѣвало Куринскаго полка Соколовъ сочинилъ пѣсню.

Мы строили ложементы, съ хворосту плели туры
И поставили мортиры, на Видень ихъ навели.
Замиритесь оборванцы! будетъ слава впереди,
Мы докажемъ супостату: честь и слава на груди
Хорошо было бъ солдату лишь бы молвилъ слово Царь.

На правомъ флингѣ пѣли пѣсню про князя Эристова.

Князь Эристовъ съ отрядомъ вдругъ явился за Лабой
По оврагамъ между лѣсомъ онъ проводитъ русскій строй,
Какъ гремитъ слова трубой, мы дралися за Лабой
По горамъ твоимъ Кавказъ раздалась слава о насъ.

Пѣсни сочинялись вообще про дѣла битвы. По взятіи Ви-

дено былъ отслуженъ молебенъ и намъ потомъ приказано было отступить съ горъ на ровныя мѣста, на разстояніи 15 верстъ отъ Шали, гдѣ была занята позиція для встрѣчи Пасхи. И не успѣли мы разговѣться на 1-й день Пасхи, какъ непріятель открылъ по насъ огонь, убивъ 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ, одного офицера въ палаткѣ и кромѣ того разбилъ три маркетанскихъ палатки, въ виду чего намъ приказано было двинуться на непріятеля, котораго мы и выбили изъ занятой имъ позиціи безъ урона съ нашей стороны.

Въ тотъ же день явился переводчикъ и доложилъ начальству, что непріятель думаетъ занять другую позицію съ цѣлью бомбардировать нашъ отрядъ, въ виду чего было приказано полковнику Дембекову выступить ночью съ 6 баталіонами и 4 орудіями и сдѣлать въ лѣсу залогъ на обѣихъ сторонахъ позиціи, которую предполагалъ занять непріятель.

Когда мы залегли по указанію переводчика, то на слѣдующій день показался непріятель и занялъ позицію, которую мы уже окружили со всѣхъ сторонъ, и только что онъ скинулъ съ передковъ 2 орудія и далъ два выстрѣла по нашему лагерю, какъ мы, въ свою очередь, съ 3-хъ сторонъ изъ засады дали залпъ изъ ружей по непріятелю и потомъ кинулись въ аттаку и аттаковавъ, убили всѣхъ до однаго человѣка, забрали 4 орудія, которыя и представили начальнику отряда. Непріятеля было человѣкъ 500.

На 3-й день Пасхи пріѣхалъ графъ Евдокимовъ въ лагерь, всѣхъ нредставленныхъ къ наградамъ, чинамъ и орденамъ, приказалъ наградить каждаго по заслугамъ и кромѣ того въ память этой побѣды всѣмъ частямъ войскъ приказалъ отпустить по 3 ведра водки на каждую роту.

Евдокимовъ въ это время былъ въ Грозномъ, а въ Видено остался куринскій полкъ 20 девизіи. До взятія Видено горцы говорили „Шамиль джигитъ, русо-шайтанъ байгушъ“ а послѣ этого обратно „русо джигитъ якши, а Шамиль шайтанъ“. Много замирилось послѣ этого, но 300 семействъ уходило отъ него. Ихъ стали поселять около Шали по разнымъ мѣстамъ.

Послѣ битвы на 3-й день Пасхи Евдокимовъ приказалъ

дать по 10 выстрѣловъ изъ пушекъ гранатами и по 10 выстрѣловъ изъ ружей каждому солдату въ непріятельскую сторону это было тутъ же въ лагеряхъ Шаляхъ. Здѣсь въ лагерѣ мы простояли 20 дней и пошли въ Дарго, но по дорогѣ не было нападенія. Всѣ приходили съ хлѣбомъ солью и выходили депутаты. Шли 14 дней до Дорго. Не доходя до Дорго 20 верстъ, кончалась Чечня и началась Тавлія. Въ Доргахъ уже не было крѣпости, были аулы, они покорились. Здѣсь въ Даргахъ нашли мы много костей нашихъ, погибшихъ въ отрядѣ Воронцова въ 1844 году, кости были нанизаны на плетни, кости убирали мы въ могилы 6 дней. Горцы для поруганія выставляли кости нашихъ. Они вообще нашего похороненнаго выбрасывали изъ могилы и по кустамъ развѣшивали на деревьяхъ, чтобъ клевалаптица.

Въ Даргахъ пробыли мы 13 дней и пошли обратно въ тотъ же лагерь, спокойно. Здѣсь простояли 24 дня и пошли за Видено. Снѣгъ сошелъ и мы стали дѣлать дорогу, поворачивая на гору по направленію къ Индіи *) и Форельскому озеру. Озеро это очень глубокое, на высотѣ 5 верстъ, въ него впадаетъ 2 рѣки, а изъ него выхода нѣтъ. Вода хорошая, но очень холодная, рыбы много. Отъ Видено это въ 40 верстахъ.

Мы остановились около этого озера и къ намъ пріѣхалъ Барятинскій, а на второй день мулла отъ Индійской княгини и заявилъ, что Шамиль ее разорилъ съ бродягами русскими, а на 3-й день сама княгиня съ князьями и 36 значковъ войска. Они остановились въ 4 верстахъ отъ лагеря нашего и привезли значки Барятинскому. Заиграла музыка, они преклонили значки, княгиня была на лошади верхомъ, Барятинскій снялъ ее съ лошади.

Она уѣхала съ своимъ войскомъ. Вечеромъ было угощеніе и горстями кидали золото горцамъ. Въ тотъ же день пошли мы на вершину, гдѣ беретъ начало рѣка Сулакъ; съ горы было видно войско Шамиля и дымъ отъ пожара разоренныхъ ауловъ Индіи. Шамиль пошелъ въ Гуниб и въ Тавлію.

Сулакъ выходилъ съ горъ 5 рукавами и между ними поселены индійцы, а потомъ ниже Преображенской крѣпости соеди-

*) Авдія.

няется въ одну рѣчку и льетъ на Кишинскую крѣпость Чиръюртъ. Кишинская крѣпость занята въ 1858 году. Въ ущельѣ этой горы Сулакъ нашли мы 5 чугунныхъ орудій русскихъ безъ лафетовъ. Надо удивляться, какъ можно было провести эти орудія черезъ горы очень высокія, но укрѣпленія здѣсь не было.

Барятинскаго проводили въ отрядъ Врангеля, съ нимъ пошло 3 сотни доброконныхъ казаковъ и 6 баталіоновъ, которые возвратились обратно.

Мы здѣсь на Сулакѣ стали строить Преображенскую крѣпость и Зивинскій редутъ на ½ горѣ. Лѣсъ брали между снѣговыми кряжами и спускали по рѣкѣ Сулаку и ловили около крѣпости. Это было въ августѣ и въ сентябрѣ. Была жара въ ущельяхъ между горъ а на горахъ снѣгъ.

У андійцевъ и Тавлинцевъ были прекрасные сады, посѣвы хлѣба сдѣланы по террасамъ въ 15—20 саженей, напускали воду и ячмень и озимая пшеница родились хорошо. Кромѣ крѣпости мы разрабатывали дороги на проѣздъ тройки. Урокъ былъ 40 вершковъ прорубить камня на 2 человѣка; если не успѣешь то и въ воскресенье работаешь. Давалось два лома и молотъ въ 20 фун., одинъ бьетъ а другой поворачиваетъ, ударивъ сто разъ, бьетъ другой. Затѣмъ эти дыры прочищали ложечкой и вставляли гильзу для взрыва. Завѣдывали работами греки, ихъ было человѣкъ 70.

Другую дорогу сдѣлали отъ Сулака по балкѣ на 80 верстъ до Виденей.

Лѣсъ былъ за 20 верстъ отъ работы, все сосна и надо было ходить за дровами, наносить ихъ на недѣлю. Много людей погибло во время разработки дороги отъ падающихъ камней и срубленныхъ деревьевъ. Люди были дешевле курицы: бьетъ ихъ и ничего—человѣкъ 30—40 въ день гибло.

Замѣчательно, что если падаетъ срубленное дерево и человѣкъ побѣжитъ вдоль дерева, то его убьетъ хотя и не задѣнетъ, а если въ сторону отъ него побѣжитъ, то ничего. Помню срубили разъ дерево. Кричатъ, „берегись“ а одинъ солдатикъ, кажется Атаманюкъ по фамиліи, побѣжалъ; ему надо было пере-

лѣзть чрезъ срубленное дерево, но тутъ настигло его падающее дерево и отъ него остались только руки и ноги. Былъ случай, что ротный командиръ игралъ въ карты съ баталіоннымъ и обыгралъ его, а баталіонный завѣдывалъ зарубомъ и вотъ онъ и поставилъ въ цѣпь одну роту и звѣно отъ звѣна далеко. Чеченцы высмотрѣли и напали и 70 человѣкъ убили, а онъ, по фамиліи подполковникъ Сорокотинъ, не далъ помощи, хотя стоялъ близко и могъ всѣхъ перебить чеченцевъ. Одинъ солдатикъ Ганчукъ отбивался при этомъ нападеніи отъ четырехъ чеченцевъ и получилъ 56 ранъ въ голову и спину. Благодаря лѣсу нельзя было размахнуться и они его кололи. 4 чеченца онъ закололъ штыкомъ и штыкъ остался въ убитомъ. Тутъ же солдату Сѣрикову ударомъ шашки отрубили руки и онѣ остались на ружьѣ, а другой ударъ былъ въ спину и всѣ внутренности вывалились, но онъ былъ живъ съ 8 часовъ утра и до 5 часовъ вечера, всѣхъ узнавалъ, былъ въ памяти, даже внутренности стали сохнуть, а онъ жилъ.

Въ Виденяхъ у Шамиля было двѣ ямы—тюрьмы, въ которыхъ онъ держалъ плѣнныхъ офицеровъ, и своего сына заморилъ, котораго взялъ въ обмѣнъ на княгиню Чевчавадзе. Ямы эти были за крѣпостью въ 100 сажень. Одна яма на 30 человѣкъ, а другая на 20 человѣкъ накрыты камнемъ съ отверстіемъ вверху и не было другого выхода, тамъ же заключенные и испрожнялись. Могила сына Шамиля за крѣпостью и безъ памятника. Въ крѣпости содержались у насъ аманаты—заложники 500—700 человѣкъ въ каждой.

При захватѣ въ лѣсу или гдѣ нибудь солдатами скотины некогда было рѣзать ее, а живую разрубали на части и расхватывали. Аманаты кормились ихъ отцами и провизія доставлялась ими въ крѣпость.

Влѣво отъ Дорго—укрѣпленіе Зелены. Вотъ пѣсня по осаду въ Зеленахъ.

Вспомнимъ, вспомнимъ мы ребята, какъ стояли въ Зеленахъ.
Генералъ съ нами Бажановъ, онъ ходилъ по оврагамъ
Распроклятый бусурманъ хотѣлъ шутку подшутить
Продержалъ насъ на завалахъ, хотѣлъ гладомъ поморить;

Мы рогатую скотину всю на чисто перевели.
Стали ѣсть мы лошадину и варили и пекли.
Мы кашицу посолили изъ патроновъ порошкомъ
Всѣ мы трубокъ не курили, распрощались съ табачкомъ.
Мы рогожей одѣвались вмѣсто бурокъ—шинелей.
Кожей ноги обшивали послѣ рѣзанныхъ коней.
Ужъ вы братцы будь готовы встрѣчать врага штыкомъ.

Отъ крѣпости до Шалей сдѣлали новыя дороги, а старыя бросили.

Начало нашего похода было отъ Владикавказа на Дубоньаулъ и тамъ на малый Ачхой, на Воздвиженскую, на Борзы, потомъ по Шара-Аргунъ на востокъ и вышли на рѣчку Фортанку. И первое укрѣпленіе было взято Туузи. По рѣкѣ Шара-Аргунъ мы разорили до 11 ауловъ.

Послѣ разработки дорогъ мы пошли въ штабъ во Владикавказъ для обмундированія, такъ какъ обносились, и выступили въ Шапсурскій отрядъ въ ноябрѣ 1859 году. За это время Шамиль былъ взятъ въ Гунибѣ отрядомъ Врангеля, я тамъ не участвовалъ.

Вспоминая свой приходъ въ с. Жуково въ 1844 году, я долженъ упомянуть о нашемъ хозяйствѣ, съ собой мы привезли три пары быковъ. Въ то время кромѣ нашего селенія были села: Лежанка, Песчанка, Красная Поляна, Лѣтникъ и Медвѣжье. Деньги тогда ходили въ ассигнаціяхъ. По пріѣздѣ на жительство въ селеніе Жуково, мой отецъ продалъ одну пару быковъ за 160 рублей ассигнаціями, а на эти деньги купилъ себѣ 62 годовыхъ телка. Изъ этихъ телковъ, по истеченію 3-хъ лѣтъ, образовалось у насъ 12 паръ быковъ и 18 коровъ. Отецъ мой, желалъ имѣть, кромѣ рогатаго скота еще овецъ, почему продалъ три пары быковъ и 4 коровы, на часть вырученныхъ денегъ пріобрѣлъ 50 штукъ овецъ. Я страшно вообще любилъ скотъ, но овецъ любилъ въ особенности, и благодаря тому, что я слѣдилъ и ухаживалъ за ними, у насъ въ теченіи $4^1/_2$ лѣтъ, до поступленія моего на службу, развелось болѣе 400 штукъ овецъ.

Уходъ былъ впрочемъ не такъ важенъ въ размноженіи какого бы ни было скота, такъ какъ въ то время были вольныя степи и мало кто занимался хлѣбопашествомъ, а если кто и занимался послѣднимъ, то лишь только для себя, а не для продажи, такъ какъ скотъ въ то время цѣнился гораздо дороже хлѣба. За отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ сбытъ хлѣба былъ очень труденъ, да и некому было и сбывать таковой, такъ какъ въ то время народонаселеніе было очень малое. Въ то время не было еще селъ Бурой-балки, Разсыпного, Кулешовки, Привольнаго, Развильнаго, Поливянки, Крученаго, Николаевки, Сысоевки, Богородицкаго, Баранникова, Березовки и Ивановки. Въ то время повальныхъ болѣзней въ Ставропольской губ. не было, а въ 49 году въ Россіи была холера. По поступленіи моемъ на службу, въ войскахъ страдали люди отъ лихорадки, отъ которой умирали; особенныя заболѣванія были въ крѣпости Бухматѣ, на рѣчкѣ Очкой. Эта болѣзнь считалась не излѣчимой; у больного разростался животъ, очевидно увеличивалась селезенка и печенка, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ лежали какъ бруски. Въ крѣпости Русаляхъ также была лихорадка, но она тѣмъ отличалась, что когда трясетъ ознобь, то человѣку пріятно, и хочется этого припадка; лѣчили большими пріемами хины, но не помогало. Другихъ болѣзней не было. Службу я несъ легко, но обращеніе на службѣ было жестокое, наказывали розгами часто за пустяки, по 150—200 ударовъ, но суду за проступки предавали мало, только за побѣги.

Побѣги были частые, и у Шамиля было тысячъ 30 нашихъ; артиллеристы наши порохъ дѣлали и участвовали въ сраженіяхъ, мы брали въ плѣнъ солдатъ.

За неправильные ружейные пріемы у насъ били шомполами, отомкнутыми штыками.

При наказаніи сначала били розгами по задницѣ, затѣмъ по поясницѣ, а потомъ по спинѣ; все избивали въ кровь, и тѣло дѣлали чернявымъ.

Одного солдата, по фамиліи Фадѣевъ, который укралъ у товарища 30 руб., наказывали розгами въ теченіи пяти часовъ съ перерывами, но онъ только просилъ отдохнуть, но не сознался,

приговаривая: „розочки хороши, а денежки еще лучше“, при чемъ самъ лежалъ, его никто не держалъ. Командиру надоѣло наказывать, и Фадѣевъ, поднявшись, проговорилъ: „покорнѣйше благодаримъ, теперь я залѣчу водочкой и спиртикомъ“. Отдыха на службѣ было мало. Походы и нападенія на непріятеля сопряжены были съ рубкой лѣса для прохода войска. И вотъ, дѣлая просѣку на ружейный выстрѣлъ отъ отряда, и возвращаясь къ вечеру домой на позицію, каждый солдатъ долженъ былъ тащить дрова по плахѣ для себя, а иначе не пустятъ къ огню въ своемъ капральствѣ (капральство 55 человѣкъ), доктору на канцелярію, ротному, баталіонному и въ главный Штабъ.

Помню я одного солдата, по имени Борей-мордвинъ. Онъ любилъ ловить рыбу; бывало, зайдетъ далеко, рыбы наловитъ, продастъ рыбу, а деньги пропьетъ. Но былъ такой силы человѣкъ, что если сожметъ въ кулакъ деньги, то у соннаго никто не возметъ, а когда проснется, разожметъ кулакъ, то бывало говоритъ: „вы въ тюрьмѣ сидѣли, я васъ пущу на свѣтъ“ и отнесетъ къ маркитанту пропьетъ. Водку Борей любилъ, и за крышку водки ударь его одинъ разъ, какъ хочешь, по пузу, крякнетъ только: бей еще, а крышку давай. Былъ такой случай. Борей пошелъ ловить рыбу и удалился почти на версту отъ пикета, 5 человѣкъ татаръ напали на него, но онъ началъ кричать: „ребята, татары“ бѣжитъ и кричитъ, далъ выстрѣлъ, а тѣ думали, что русскихъ много и бѣжали. За то Борею, по распоряженію начальства, дали пятьдесятъ розогъ.

Помню одинъ случай. Мы пошли за фужемъ по рѣкѣ Ачхой въ 1856 году въ маѣ. Было двѣ сотни Донцовъ, 44 казака станицы Михайловской Ставропольской губерніи, съ урядникомъ Гречишкиновымъ и 36 стрѣлковъ насъ. Раскинули пикеты между лѣсомъ, на полянѣ, стали косить. Изъ лѣса показалась шайка горцевъ со значкомъ и все больше и больше. Донцы бросили вьюки и побѣжали къ редуту Ачхой, гдѣ два орудія. Насъ оставалось 70 человѣкъ Гречишниковъ скомандовалъ играть сборъ, мы собрались; онъ разсчиталъ по 6 выстрѣловъ. Легли. Лошади у насъ въ серединѣ, тоже легли. Они бросились въ шашки, но 1-й выстрѣлъ ихъ осадилъ, тутъ 2-й, 3-й, а тогда съ

редута стали бить гранатами и прикрыли насъ. А ихъ было до 700 человѣкъ, но они не могли взять насъ; потеря наша—4 убито, 3 ранено, 4 лошади убито. Донцы были съ пиками, но бѣжали. „Увиливай Гаврилычъ“—мы дразнили ихъ потомъ. По тревогѣ прибѣжалъ полковникъ Эдлинскій. Особенно отличались храбростью и расторопностью линейные казаки.

Дѣйствіе Шапѣугскаго отряда было на правомъ флангѣ. Мы шли на Архонку, Ардонъ, Николаевку, Змѣйку, Урюпъ, Александровку, Котлярево, Пришибъ, Екатериноградъ (тутъ большой мостъ черезъ Малку) Приближную, Прохладную, Солдатскую, Ставропольскую Марьевку, Зойвскую, Горячеводскую, Ессентуки Суворовскую, Бикешевскую, Воровсколѣсскую, Баталпашинскую, Бѣло-Мечетскую, Невинку, Барсуки, Убѣжку, Николаевку, Прочноокопъ, Григорипольскую, Тенижбекъ, Кавказскую, Казанскую, Тифлисскую, Ладовскую, Усть-Лабинскую, Воронежскую, Корсунскую, Васюринскую, Полтавку, Екатеринодаръ, Елизаветовую. Тутъ была переправа черезъ Кубань. Переправились, взяли Новогригорьевское укрѣпленіе. Оно было раньше русское, занято при Екатеринѣ, затѣмъ взяли Крымское и Атѣкумъ и отступили въ Новогригорьевское. Стояли болѣе мѣсяца, пока собрались отряды.

Шапегскимъ отрядомъ до сбора въ Новогригорьевской завѣдывалъ князь Мирскій; затѣмъ раздѣлясь: 1-й Бабичъ, 2-й отрядъ Лавашевъ, 3-й Рудановскій, 4-й Гейманъ, 5-й Донецкій, 6-й князь Мирскій, 7-й Нордештейнъ. Я былъ съ Гейманомъ.

Со Ставропольской станицы 21 дивизіи пошла на Ставрополь, такъ какъ медленно двигались по одному пути. Прохожденіе войскъ очень тяжело было для казаковъ. На флангѣ народъ былъ бѣдный. Вооруженіе было: кремневая винтовка; пуля у нея маленькая, но пробивалась туго, звукъ выстрѣла былъ рѣзкій, отчетливый, затѣмъ шашка, кинжалъ и орудія; стрѣляли изъ ружей очень мѣтко; среди нашихъ пяти выстрѣловъ можно было различить одинъ ихъ выстрѣлъ. На правомъ флангѣ совсѣмъ не было орудій. На правомъ флангѣ народъ богатый, вооруженіе цѣнное подъ серебромъ и золотомъ. Убитыхъ выкупали: пара быковъ за тѣло. Посѣвы были большіе: озимая пшени-

ца, рожь, овесь, полба, яровое жито, кукуруза, но мало, а на лѣвомъ она была сплошь. Около ауловъ были огороды:—рѣпа капуста, морковь, брюква, рѣдька, лукъ, чеснокъ; было прекрасное пчеловодство, сады хорошіе.

Скота было очень много: овцы, буйволы, лошади хорошія. И все это было по горамъ. Лѣсу большого по горамъ не было: просѣкъ мы не дѣлали—хорошія пастбища, поляны. Мы страдали отъ лихорадки; ознобъ, жаръ и сонъ, затѣмъ полная слабость; ни рукъ не ногъ не чувствуешь; умирали; убитыхъ и раненныхъ у насъ было мало. Въ аулахъ мы видѣли православныя иконы: Матерь Божія, Николай, а церквей не было, и не было мечетей.

У насъ въ это время были нарѣзныя ружья, пуля съ чашечкой, ружье пистонное. Наше било дальше чѣмъ ихъ. На правомъ флангѣ были Шапсуги съ черкесами, жили въ постройкахъ которыя были похожи на постройки русскихъ, такъ такъ были крыты тесомъ и камышомъ и соломою и съ хорошею деревянною оградою. Нами было занято Крымское укрѣпленіе, Ильское, Худакъ, Новогригорьевское, Кабардинское, Обшеронское, Дагестанское, Куринское, Севастопольское, Кубанское, Хаси-Китинское, Бароковское, Баховское, Даховское и Камышки. Послѣ взятія этихъ крѣпостей насъ потребовали на лѣвое крыло 2 баталіона: Кондинскій и Навагинскій и въ теченіи 12 дней мы прошли болѣе 500 верстъ и пришли въ городъ Владикавказъ, гдѣ насъ встрѣтили командиры полковъ, и на 2-й день по приходѣ мы выступили на выручку нашихъ войскъ, аттакованныхъ горцами подъ крѣпостью Евдокимовской и Шатаевской.

По приходѣ, мы сдѣлали въ свою очередь аттаку на непріятеля, котораго и заставили отойти, при чемъ въ этомъ боѣ нашихъ погибло 218 человѣкъ, изъ коихъ 47 человѣкъ ранено. По окончаніи боя мы простояли 20 дней въ крѣпости и въ то время поднялся бунтъ въ Назранѣ и Бахмутѣ, куда для усмиренія намъ и было приказано идти, и по приходѣ туда мы непріятельскій отрядъ разсѣяли, но съ потерей съ нашей стороны одной колоны; непріятеля было убито до 400 человѣкъ, и кромѣ намъ попалось въ плѣнъ 247 человѣкъ самыхъ ярыхъ бунтовщиковъ,

изъ коихъ 27 человѣкъ, было повѣшено и двѣнадцать человѣкъ разстрѣляно, а остальныхъ прогнали сквозь строй.

Послѣ замиренія мы перешли въ городъ Владикавказъ и поступили въ распоряженіе Главнаго Штаба, и меня командировали въ городъ Тифлисъ для образованія взводнаго учебнаго баталіона, гдѣ я пробылъ годъ и 3 мѣсяца, и по ходатайству отца я былъ переведенъ въ городъ Ставрополь въ Интендантскій складъ, гдѣ и былъ произведенъ въ старшій окладъ вахтеровъ и былъ командированъ въ городъ Москву, Казань, Саратовъ, Тамбовъ и другіе города для пріема аммуничнаго матеріала. По возвращеніи изъ этой командировки, меня вторично командировали для развоза купленныхъ подрядчикомъ Алафузовымъ вещей и принятыхъ мною для развоза такихъ по войскамъ въ Майкопъ, Крымское укрѣпленіе, Абазетское, Новороссійское, Ильское, Лазаревское, Вильяминовское, Дюбе, Высоцкое и Потійское. По возвращеніи изъ этой 5 мѣсячной командировки, я былъ возвращенъ въ интендантство, поручили мнѣ госпитальный, металическій и суконный склады, гдѣ я черезъ 8 лѣтъ получилъ отставку и уѣхалъ на родину.

Въ нашемъ отрядѣ на правомъ и лѣвомъ флангѣ были такъ называемы, Кабардинскіе стрѣлки, выбранные изъ 4 полковъ 20 девизій въ количествѣ 250 человѣкъ. Носили они черкески и большія папахи, носили ноговицы и чувяки, бороды не брили. Вооружены были двухстволками пистонными, штыкъ помѣщался между стволами и пригибался къ низу. Но если дернуть за пружину впереди курковаго спуска, то штыкъ самъ поднимался и становился между стволами. Патроны не были готовые, а заряжались какъ всѣ ружья. Патроны скусывались. Этихъ стрѣлковъ называли пластунами; они несли развѣдочную службу и нападали своимъ отрядомъ на аулы, они дѣйствовали самостоятельно. Обыкновенно они выходили съ вечера и нападали на аулъ на разсвѣтѣ. На помощь имъ назначались нумерные баталіоны. Около станицы Обшеронской и Самурекой ихъ окружило 5000 горцевъ. Бой продолжался съ утра и до 5 часовъ вечера. Они были раздѣлены на три пикета, и изъ нихъ пало только 32 человѣка, затѣмъ подошла помощь.

Слышалъ я разсказъ о генералѣ Слѣпцовѣ, командовавшимъ 1-мъ Сунженскимъ полкомъ. Онъ былъ убитъ въ Саланджахъ, его убилъ его воспитанникъ изъ горцевъ, служившій у него переводчикомъ. За поимку этого убійцы правительство отдало 1000 рублей, и онъ былъ повѣшенъ. Слѣпцова боялись всѣ горцы. Онъ секретно назначалъ набѣги. Лошадь его все время была подъ сѣдломъ. Въ ночь онъ дѣлалъ большой переходъ и на разсвѣтѣ нападалъ на аулъ, зажигалъ его въ нѣсколько концовъ, дѣлалъ залпы изъ орудій, а затѣмъ окружалъ цѣпью и приказывалъ бить всѣхъ, непропуская никого; скотъ и лошадей забиралъ въ пользу казаковъ и семействъ убитыхъ. На правомъ флангѣ, при разореніи ауловъ, нашъ отрядъ имѣлъ приказаніе вытаптывать всѣ посѣвы горцевъ. Хлѣбъ стоитъ по грудь, жалко даже топтать, это было необходимо для скорѣйшаго усмиренія ихъ. За нашимъ отходомъ на лѣвый флангъ, на правомъ остался Гейманъ съ отрядомъ и дѣйствовалъ отъ Кубани до Чернаго моря.

Изъ наказаній за преступленія и побѣгъ полагалось прогнать скозь строй. Это наказаніе производилось такъ.

По приговору Суда назначалось отъ 200 до 500—700 ударовъ. Солдаты располагались въ 2 ряда, у каждаго былъ прутъ, толщиною въ палецъ и длинною въ 1½ аршина. Въ срединѣ проводили преступника; руки по локоть привязывались къ ружьямъ, которыя вытягивались впередъ. За ружья вели два унтеръ-офицера. При прохожденіи, каждый солдатъ обязанъ былъ отъ всей силы ударить прутомъ. Нѣкоторые экзекуторы (баталіонный командиръ и адъютантъ) по дорогѣ стояли въ сторонѣ, и тогда били солдаты легче, а нѣкоторыя шли по шерингамъ и наблюдали за ударомъ, при чемъ крестикомъ отмѣчали легко ударившаго и тогда его наказывали розгами 100-150 ударовъ. Обыкновенно болѣе 300 ударовъ не выносилъ осужденный, и его отправляли въ госпиталь; по излѣченіи, доканчивали наказаніе.

Возставшимъ Назрановцамъ давали по 1000 и по 1500 ударовъ. Эти возставшіе просили, чтобы ихъ застрѣлили, но 42 было повѣшено, и на это наказаніе собраны были всѣ аулы, каждому былъ поставленъ глаголъ висѣлицы. Повѣшенный вздра-

гивалъ, поджималъ ноги и за тѣмъ уже вытягивался. При видѣ этого всѣ попадали внизъ лицами.

А вотъ какъ застрѣливали: въ станицѣ Змѣйкѣ подпоручикъ Алфердовъ арестовалъ солдата за неявку 4 дня на работу, что не считалось проступкомъ: устраивали Военно-грузинскую дорогу, и по соглашенію съ инженеромъ, отпускали на вольныя работы солдатъ. На другой день Алфердовъ собралъ роту, приказалъ привести арестованнаго: „рота справа, слѣва заходи, ефрейтора впередъ", командовалъ Алфердовъ; тѣ вышли съ розгами подъ полами. Въ серединѣ стоялъ арестованный. Алфердовъ началъ ему выговаривать и затѣмъ сталъ бить по лицу 2 раза. Солдатъ не стерпѣлъ, схватилъ за эполеты и правой рукой ударилъ по уху. Солдатикъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу. И вотъ въ день казни выставлены были войска, его повели по строю. Онъ прощался съ товарищами, солдаты были безъ ружей, за исключеніемъ 12 человѣкъ, которые должны были совершить казнь, они при проходѣ скрыли ружья. Затѣмъ онъ исповѣдывался, просилъ увидѣть свою смерть, но на него надѣли саванъ. Саванъ—это рубашка съ колпакомъ для головы и длинными рукавами въ 3½ аршина. Привязали осужденнаго къ столбу, и по первому взмаху платкомъ унтеръ-офицеръ отмѣрилъ 12 шаговъ отъ столба, выстроилъ 12 человѣкъ, которые послѣ 3 взмаха платка дали залпъ, и казненный опустился по столбу... А затѣмъ его сбросили въ яму, и солдаты засыпали могилу. Въ Камышкахъ барабанный староста Андреевъ изрубилъ баталіоннаго командира Пулло его же шашкой за жестокое обращеніе съ солдатами и былъ разстрѣленъ. Жестокихъ офицеровъ солдаты пристрѣливали. Во время набѣговъ Пулло въ №№ ротахъ не былъ и потому въ набѣгахъ не участвовалъ. Онъ ежедневно билъ по 50 человѣкъ солдатъ плетью. Въ день смерти потребовалъ барабанъ и сѣлъ на него, отдалъ свою шашку Андрееву, а тотъ, стоя сзади, перекрестился и срубилъ ему голову.

Между стрѣлковыми ротами, какъ бывшими постоянно въ военныхъ дѣйствіяхъ, было большое дружество, въ силу котораго они, проходя въ мѣсто стоянки, встрѣчали, угощали обѣдами, другъ другу давали сѣно, капусту безплатно и безъ этого

невозможно было бы жить, такъ какъ достать припасы нельзя было. Помню, какъ по рѣкѣ Фонтанкѣ пошла въ лѣсъ рота набрать „дѣльнаго лѣсу“. Съ одной стороны поставили цѣпь, а съ другой два пикета. Чеченцы воспользовались этимъ, подбѣжали между пикетами, дали залпъ и „сняли“ пикеты, ружья захватили; приоѣжала рота, и они положили нашихъ сто сорокъ человѣкъ, но одного солдатика захватили въ плѣнъ. Ведутъ его двое верховыхъ за рубашку, за рукава держатъ. На пути попался кустъ орѣшника, надо было одному отпустить рукавъ. Солдатъ рванулся, и другой его упустилъ, онъ тогда въ кустъ; они рубить саблями, но по кусту нельзя, широкій кустъ, они съ нимъ бьются, а не въ догадъ выстрѣлить изъ пистолета. Тутъ скоро на выстрѣлы подоспѣла помощь, и солдатикъ спасся. А на другой день пришла бумага, что мать выпросила его на прокормленіе, и онъ ушелъ домой. Вотъ материнская молитва.

Для всѣхъ преступниковъ не военныхъ было наказаніе плети и кнутъ на кабылкѣ. „Кобылой называли наклонный помостъ, къ которому привязывали наказываемаго, и онъ растягивался такъ, какъ бы сидѣлъ на лошади. У палача былъ длинный кнутъ и, разойдясь, „Кагъ“ такъ наз. палача, кричалъ: берегись! и стебалъ кнутомъ, сразу просѣкалъ кожу во всю спину ремнемъ. Палачъ могъ бить и легко, словно и бьетъ, и не больно. Большія деньги ему за это платили. А если сердитъ, то забьетъ на смерть. Видѣлъ я эту казнь много разъ, но лучше стать подъ разстрѣлъ, чѣмъ обнимать эту кобылу.

Г. Прозрителевъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Напечатано:	Читать:
19	фужемъ	фуражемъ
20	Шаплугскаго	Шапсугскаго
20	Зойвскую	Зойскую
20	Тенижбекъ	Темижбекъ
20	Атякумъ	Атакумъ
20	Шапегскимъ	Шапсугскимъ
20	дивизіи	дивизія
20	пробивалось	прибивалось
21	Бежія	Божія
21	крымское	Крымское
21	Камышки	Хамышки
21	Кондинскій	Киндинскій
21	Шатаевскій	Шатоевскій
22	Абазетское	Абазехской
22	Лазоревское	Лазаревское
22	называемы	называемые
22	дивизій	дивизіи
23	100 150 ударовъ	100—150 ударовъ
24	застрѣливали	разстрѣливали
24	Камышкахъ	Хамышкахъ